инвариантами. Однако текст загадки управляет ее произведением, поэтому нет оснований говорить о системной упорядоченности произведений внутри загадок как класса текстов.

Специфика языка фольклорного текста особенно ярко проявляется при их сопоставлении. Так, подробно сравнивая язык фольклора разных этносов, можно выявить специфические черты национального языка, культуры, менталитета того или иного народа. Изучение языка фольклора позволяет сохранить традиции, поэтические формульные выражения, древнейшие лексические пласты, историю языка, этику, национальную философию.

Таким образом, в настоящее время в области лингвистических исследований открываются новые перспективы в изучении дискурса загадок как особого культурного феномена, раскрывающего своеобразие этнических культур.

С помощью лингвистических исследований загадок, как текст и произведение, можно выявить и понять обучающую модель, характерную для определенной нации.

1. Журинский А.Н. Семантическая структура загадки. – М., 1989. – 126 с.
2. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. – М., 1978. – 293 с.
3. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Издательство «Ось-89», 2005. – 560 с.
4. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. – Л.: Наука, 1978. – 180 с.

Таказов Ф.М.

Инициационные практики в нарративных текстах осетинского фольклора

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-248

idsp: lj-11-2019-248

Аннотация

Мотив инициаций относится к наиболее концептуальной составляющей сюжета в нарративных текстах осетинского фольклора. Часто герои в ненавязчивой и неназойливой манере проделывают сложный и опасный путь с испытаниями и символической смертью, становясь участником инициаций. Для понимания причины перехода инициационных обрядов в эпический текст, необходимо учитывать роль нарратива в сакрализации инициаций.

Ключевые слова: нарратив, фольклор, инициации, мифология, космогенез, миротворение

Abstract

The motive of initiations refers to the most conceptual component of the plot in narrative texts of Ossetian folklore. Often heroes in an unobtrusive and unappealing manner make a difficult and dangerous way with trials and symbolic death, becoming a participant in initiations. In order to understand the reason for the transition of initiation rites into epic text, it is necessary to take into account the role of the narrative in sacralization of initiations.

Keywords: Narrative, folklore, initiations, mythology, cosmogenesis, peacemaking

В аспекте генезиса инициации получили в науке достаточное полное освещение. Структура и фазы инициаций впервые были определены А. ванн Геннепом, дальнейшее

развитие изучения мифологических текстов на предмет выделения признаков инициаций получило в трудах Дж.Фрезер, Р.Генон, М.Элиаде, К.Г.Юнг и др.

Ван Геннеп утверждал: «Самый факт жизни делает неизбежными последовательные переходы из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому. Поэтому человек в своей жизни последовательно проходит некие этапы, и окончание одного этапа, и начало другого образуют системы единого порядка. Таковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная специализация, смерть. И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь, столь же определенное» [1, с. 9].

Отражение обрядов инициаций во нарративных фольклорных текстах получило широкое освещение в трудах Дж.Фрезера [14] и В.Я.Проппа [12], М.А.Хакуашевой [15].

Нарративный текст актуализирует процесс инициаций, заменяя собой обряд. «“Рассказ”, поведенный в мифе, представляет некое эзотерическое “знание” не только потому, что оно тайно и передается в процессе инициации, но также потому, что это «знание» сопровождается проявлением религиозно-магического могущества. И действительно, знание о происхождении какого-нибудь предмета, животного или растения означает, что мы приобрели над ними магическую власть, которая позволяет господствовать и по своему желанию управлять их воспроизведением и размножением» [16, с. 12].

Осетинские нарративные тексты еще не становились объектом исследований на предмет выявления мотива инициации, в то время как основным мотивом большинства сюжетов является инициация.

Наиболее характерным признаком инициации в фольклоре осетин является необычное происхождение героя: эпический герой Сослан рождается из камня [4, с. 5-10]; нарт Батраз – из лопатки своего отца Хамица [5, с. 5-11]; нартовская Сатана рождается в склепе от мертвой матери [3, с. 111], близнецы Урузмаг и Хамиц рождаются у Донбеттаров в подводном царстве [3, с. 103-110].

Признаком инициаций часто выступает невероятно быстрый рост новорожденного/младенца: невероятно быстрый рост в эпосе демонстрируют Ацамаз, который будучи еще грудным ребенком, разрывает веревки колыбели и выступает по тревоге в поход [11, с. 68-72]; Тотраз – разрывает веревки колыбели и идет на нартовские игры [9, с. 306-307]; Маленький Батраз разбивает колыбель свою и уходит искать жену Аладжыко, которую украли [6, с. 84].

Другим признаком инициаций служит изоляция героя, воспитание за пределами родительского дома, общества [13, с. 155-160]: вне нартов, в подводном царстве воспитывались Сослан, Батраз, Сирдон; изоляция героя Арахдзау, которого еще новорожденным кладут в бочку и бросают в море. Сатана также кладет рожденного ею от черного Ногайца сына в ящик и бросает в море.

Подобная изоляция без доступа света совершалась с детьми и подростками перед обрядом инициации. Надо отметить, что в сюжетах с мотивом инициаций у многих народов таким же образом содержались царские дети и сами цари – достаточно вспомнить сказку о царе Салтане А.С.Пушкина.

Перед тем, как проделать инициационный путь, герой выбирает себе коня/оружие, принадлежавшего отцу иницианта, который, как правило, содержится в пещере или подземелье. Чаще всего конь отцовский, герою его нужно сначала обуздать, а потом усидеть в седле – своеобразная проверка на «прочность» седока. Когда юный герой с честью проходит «конное» испытание, он готов выступить в поход. Маленький Ацамаз выбирает себе коня в подземелье из-под навоза [7, с. 315.]. Юный Арахдзау выбирает себе коня в табуне и обуздывает наилучшего [5, с. 623-624.].

Во время инициаций герой может совершать путешествие в царство мертвых. При этом, в осетинском фольклоре «переносчиком» героя из одного мира в другой выступают орел или конь. Так, орел схватил Урузмага, отнес его к берегу моря и опустил на камень [4, с. 233]. Нарратив данного сюжета направлен на завершение инициационной практики, в котором герой Урузмаг должен пройти символические испытания, в результате которого он приобретет статус царя/вождя. Орел поднимает и эпического героя Сослана на вершину горы. Чтобы завершить инициационный путь, герой должен убить орла и спуститься с горы. Сослан так и поступает: он убивает орла, делает себе из его перьев крылья и опускается с высокой горы на землю.

Мотив инициаций связан с особенностями мифопоэтического мировосприятия, воплощенного, прежде всего, в нарративный текст. Для понимания причины перехода инициационных обрядов в нарратив, необходимо учитывать роль этого нарратива в сакрализации инициаций. Рассказ эпического текста актуализирует процесс инициаций, заменяя собой обряд. «“Рассказ”, поведенный в мифе, представляет некое эзотерическое “знание” не только потому, что оно тайно и передается в процессе инициации, но также потому, что это “знание” сопровождается проявлением религиозно-магического могущества. И действительно, знание о происхождении какого-нибудь предмета, животного или растения означает, что мы приобрели над ними магическую власть, которая позволяет господствовать и по своему желанию управлять их воспроизведением и размножением» [16, с. 12].

При прохождении инициации неофитам, как правило, помогали наставники. По мнению М.Элиаде человек в одиночку не может сделать себя, его делают старики, духовные наставники [17, с. 19]. В сюжете «Нарт Сослан – в поисках сильнейшего» проходит инициации благодаря своему наставнику, в роли которого выступает погонщик буйволов, спасший Сослана от преследователей. Сослану не было равных по силе среди Нартов. Он отправился в путь, чтоб узнать, есть ли еще в мире сильнее его. Однако повстречал трех братьев-великанов, превосходивших его по силе. Ему удалось бежать, но братья-великаны стали его нагонять. Сослан обращается за спасением к однорукому и одноглазому погонщику буйволов, который не только защитил его, но и легко расправился с тремя братьями-великанами. Узнав, для чего Сослан отправился в путь, погонщик буйволов, рассказывая о своих злоключениях, фактически проводит вербальную инициацию, по завершению которой Сослан возвращается домой [3 с. 38-42]. Во время вербальной инициации происходит формализованное обучение. «Ядро инициаций – организованное, обладающее своими собственными устоявшимися методами воспитание» [2, с. 147].

Во время прохождения инициаций наставник часто оказывает помощь неофиту и в женитьбе. Так, например, жениться на дочери Солнца Сослану/Созырыко помогают небожители Уастырджи и Уацилла [5, с. 256-257].

В инициационных нарративных текстах при женитьбе невеста нередко испытывает жениха. Перед тем как дать свое согласие выйти замуж за Сослана, дочь Челахсартага Бедуха испытывает его [10, с. 130-133].

Фактически мотив инициаций наличествует во всех нарративных текстах с эпическим героем Сосланом. Сослан, подвергаясь различным испытаниям, каждый раз приобретает новый статус: он спасает своего отца Урузмага от неминуемой смерти, вызволяет свою мать Сатану из адского озера, побеждает великанов, спасает нартвов от голодной смерти, проделывает путь в Царство мертвых и возвращается оттуда.

Для прохождения инициации герой должен пережить символическую смерть. В нарттовском эпосе символическая смерть может выражаться по-разному. В одних случаях это густой туман. Герой попадает в царство мертвых, при этом, для перехода в иной мир он оказывается окутан густым туманом. Во время охоты Сослан долго блуждая под покровом тумана, он оказывается в Стране мертвых [7, с. 530-531].

Окутанный густым туманом, Сослан символически умирает, чтобы совершить переход в иной мир.

Иногда при инициациях символическая смерть заменяется превращением героя в девушку или животное. В сюжете «Нарт Сослан и проклятушая женщина» ведьма превращает Сослана в девушку и у него (нее) рождаются две дочери, затем вторая ведьма превращает его в кобылу и у него (нее) рождаются два жеребца, после чего третья ведьма превращает Сослана в суку. Сослану удается превратить себя в человека и мстит ведьмам, превратив их в ослиц [5, с. 412-418], что свидетельствует о завершении перехода инициации.

Переодевание в шкуру животного также указывает на символическую смерть. Надев волчью шкуру Сослан убивает своего противника Тотраза/Алибега в спину [8., с. 168-169]. Битва коварного Сослана и безупречного Тотраза – переход в статус совершенного героя.

В мифологии многих народов облачение в шкуры животных связывается с обрядами мужских союзов. Облачаясь в шкуру животного иницируемый использует идею перемены облика и, посредством этого, рождения и возрождения. Герой символически умирает и возрождается в более высоком статусе, доказательством чего становится победа над врагом.

Инициация, будучи отражением мифической истории космогенеза, возвращает социум во времена начала, каждый раз повторяя миротворение. При этом символическая смерть – обязательная составляющая перехода на другую ступень/уровень/статус. И в данном случае нарративные тексты осетинского фольклора выполняют сакральную роль инициационных обрядов.

1. Геннеп, А. Ванн. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
2. Запороженко А.В., Луговой К.В. Инициационные ритуалы в системе индоиранской социализации // Сибирский педагогический журнал. № 1. 2013. – С. 147-152.
3. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А./ Кн. 1. Владикавказ: Ир, 2003. – 592 с.
4. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А./ Кн. 2. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2004. 896 с. (на осет. яз.).
5. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 3. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2005. 712 с. (на осет. яз.).
6. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 4. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2007. – 766 с. (на осет. яз.).
7. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 5. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2010. – 766 с. (на осет. яз.).
8. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 6. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2011.– 544 с. (на осет. яз.).
9. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 7. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012.– 617 с. – на осет. яз.
10. Осетинское народное творчество. В двух томах. Т.1. /Составила З.М.Салагаева. Орджоникидзе, 1961.
11. Памятники народного творчества осетин. Кн. 2. Владикавказ, 1927. 378 с.
12. Пропп В.Я. Морфология. Исторические корни Волшебной сказки. М.: «Лабиринт», 1998. – 364 с.
13. Таказов Ф.М. Признаки инициаций в нартском эпосе осетин // Ростовский научный журнал. Вып. № 12. Декабрь. Ростов-на-Дону, 2017. – С. 155-160.
14. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М.: «Издательство политической литературы», 1985. – 704 с.
15. Хакуашева М.А. Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик: «Издательский отдел КБГИ», 2014. – 172 с.
16. Элиаде М. Аспекты мифа (Пер. с фр. В.Большакова). М.: «Инвест – ППП», 1996. – 240 с.
17. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М., 2002.